

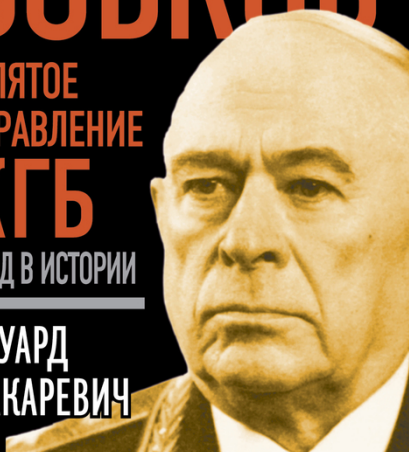
ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ФИЛИПП БОБКОВ

И ПЯТОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
КГБ

СЛЕД В ИСТОРИИ

ЭДУАРД
МАКАРЕВИЧ

**Эдуард Федорович Макаревич
Филипп Бобков и пятое
Управление КГБ: след в истории
Серия «Гроссмейстеры тайной войны»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898707

Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории / Эдуард Макаревич: Алгоритм; Москва;

2015

ISBN 978-5-906817-62-4

Аннотация

Пятое Управление КГБ было создано в конце 60-х годов XX века как ответ на американский вызов – появление в ЦРУ подразделений, нацеленных на слом политической власти в СССР путем идеологической и коммуникационной войны.

Филипп Денисович Бобков, долгое время возглавлявший и курировавший пятое Управление, выстроил не узколобый политический сыск, подчиненный партийной бюрократии, а организацию, выявляющую сложнейшие социальные процессы и не только информирующую, но и силой аналитической мысли и политических предложений подталкивающую власть к определенным решениям в целях безопасности страны. В противовес такому контролю партия попыталась навязать обществу образ интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции.

Трагедией коммуниста без фальши, генерала, ответственного за безопасность государства, стало осознание бессилия перед обстоятельствами, не позволившими пятому Управлению в составе КГБ политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть – к геополитической катастрофе, к распаду СССР. Однако это не отменяет значимость и глубину следа, оставленного легендарным руководителем пятого Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии и страны.

Содержание

Предисловие	4
Учиться контрразведке настоящим образом	6
О верности судьбе	6
Все начиналось с сопротивления обстоятельствам	7
Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв	13
Постижение контрразведки	17
Американский вызов: появление Пятого управления	28
Американский вызов, сотворенный политиками и учеными	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эдуард Макаревич Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории

Предисловие

Феномен Пятого управления Комитета государственной безопасности СССР заключался в том, что оно стало самым эффективным средством в холодной войне на внутреннем «фронте», но оно действовало, во многих случаях не находя поддержки партии. Как сказал его глава Ф. Д. Бобков, в холодной войне Пятое управление «чувствовало свое одиночество».

Пятое Управление было создано в конце 60-х годов XX века Ю. В. Андроповым – председателем КГБ, будущим главой советского государства. Пятое управление – это была политическая контрразведка. Она появилась в ответ на американский вызов, определивший стратегию холодной войны, мобилизовавший американских ученых на разработку идей и концепций для утверждения лидирующей роли США в глобальном масштабе.

Тогда в ЦРУ обрели самостоятельность тайные политические, идеологические и «культурологические» операции, нацеленные на слом политической власти в СССР. Субъектами противостояния американской политической разведки и советской политической контрразведки стали коммунистическая партия, советские люди, и прежде всего советская интеллигенция. Это противостояние проходило в определенных общественно-политических условиях. Одним из них стала тенденция к возрождению репрессивных мер в стране, появившаяся в конце 60-х годов прошлого века. Лишь появление Пятого управления сняло эту тенденцию. Его методы в борьбе с идеологическим противником оказались эффективнее репрессий. Управление изучало происходящие в стране процессы, благодаря чему удавалось предотвращать межнациональные конфликты, массовые беспорядки, которые происходили в стране ежегодно до появления «пятой службы». В своей деятельности Управление четко отделяло инакомыслящих от тех, кто, прикрываясь инакомыслием, действовал против существовавшего в стране конституционного строя.

В этой принципиальной войне за безопасность советского государства Пятое управление достигло своего могущества и вошло в неминуемый конфликт с партией, все чаще выступая в роли ее политического оппонента, обращая внимание на ошибки, интеллектуальную немощь и политическое безволие партийных лидеров.

Почти все годы действия Пятого управления его возглавлял или курировал по должности и по сути Филипп Денисович Бобков. Идеология, архитектура и технологии этого Управления были выстраданы им, несли особенности его контрразведывательного таланта и политического мышления, поддержанного Андроповым. Деятельность Бобкова предстает в контексте политических событий того времени, тайных операций ЦРУ, идей западных научных фанатиков, мнений и достижений известных персонажей советской эпохи, нашедших себя в науке, культуре, искусстве, политике и власти.

Бобкову удалось выстроить не узколобую организацию политического сыска, подчиненную партийной бюрократии, а организацию, выявляющую социологическими и агентурными методами политические и социальные процессы, познающую и контролирующую среду, в которой они разворачивались. Организацию не только информирующую власть, но и аналитически контролирующую ее, толкающую ее к определенным решениям. Не интригами, не провокационными действиями, а силой аналитической мысли и политических предложений для безопасности страны.

Деградирующая партия не могла допустить столь явного политического контроля и «аналитического» насилия над собой. Она пыталась навязать общественному мнению образ Пятого управления как интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции. В определенный момент Бобков понял свое бессилие перед теми обстоятельствами, что не позволили Пятому управлению в составе КГБ информационными и политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть – к геополитической катастрофе, к распаду СССР. В этом бессилии была его трагедия как советского человека, как коммуниста без фальши, как генерала, ответственного за безопасность государства. Но след Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии небезынтересен для будущих поколений.

Учиться контрразведке настоящим образом

О верности судьбе

Девятого января 1991 года первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии Филипп Денисович Бобков покинул свой кабинет, окна которого смотрели на площадь Дзержинского и центральный московский универмаг «Детский мир». Сорок пять лет назад он, тогда младший лейтенант, выпускник школы СМЕРШ, впервые вошел в здание Министерства государственной безопасности, что так уверенно раскинулось на этой площади. На одном дыхании были прожиты эти сорок с лишним лет. И вот пришел день, когда он, уже «четыrehзвездный» генерал, отвечавший за политическую безопасность Советского Союза, за восемь месяцев до его кончины, завершил свою службу.

Он был из того поколения, о котором Эрнест Хемингуэй сказал: коммунисты – хорошие солдаты. Бобков был хорошим солдатом и в пехотной цепи на поле брани, и в борьбе за государственную безопасность страны. Только в той цепи можно было получить «подарок» от немецких фашистов – сорок осколочных ранений и пробитое легкое. Таким для него была цена одного боя в Белоруссии. А в политической борьбе за государственную безопасность раны были моральные и душевные. За них не давали нашивки на форму, они становились отметинами на сердце.

Он стал солдатом в шестнадцать, а в восемнадцать гвардии старшина Бобков, фронтовик, кавалер солдатского ордена «Славы», встретил победу в Курляндии. Недалеко от тех мест, где закончил воевать за два месяца до той же победы капитан Красной армии Солженицын, арестованный фронтовой контрразведкой СМЕРШ за нелестные слова о Верховном главнокомандующем.

Кто мог предположить в те дни, что жизненные линии старшины-фронтовика и арестованного капитана спустя тридцать лет пересекутся в точке идейного противостояния. Старшина к тому времени стал генерал-майором, начальником Пятого управления КГБ, а капитан – известным писателем и выдающимся «диссидентом».

Погрузившись в историю, вдруг неожиданно видишь, как соприкасаются жизненные линии людей в определенное время в определенном пространстве. А потом наступает другое время, и это соприкосновение повторяется в другом качестве. Меняются принципы и позиции. И жизни человеческие круто меняются. Но есть люди, что остаются верными своей судьбе, несмотря на любое качество времени.

Все начиналось с сопротивления обстоятельствам

Детство Бобкова связано с индустриальным городом Макеевка, что в Донбассе. Про его самые яркие детские впечатления можно сказать, что запомнилось прежде всего то, что было пережито. И первым таким переживанием для семилетнего мальчишки стал голод 1932–1933 годов.

Трудно передать словами это сосущее состояние голода. Каждый день все мысли и желания только о еде. Голоду сопротивлялись тем, что добывали съестное, где могли. Великой радостью были трава и картофельная ботва, водоросли и мелкая рыбешка, вычерпнутые из местных прудов и речушек. А уж арбузные корки, которые однажды принес отец, стали чуть ли не деликатесом. Все, что можно было жевать и проглотить, шло на стол.

Тогда в Макеевку хлынули голодающие из российских областей – Белгородской и Курской – в поисках все той же еды, ставшей источником выживания. Это хорошо сохранила детская память.

Спустя десятилетия тот голод недоброжелатели России называли «голодомором» и сделали оружием пропагандистской войны. С циничной практичностью, так хорошо известной Бобкову по работе в контрразведке, американцы взялись за новое «прочтение» того голода, что поразил людей в СССР много лет назад.

Воспользовавшись тем, что с начала тех событий прошло 75 лет (дата, выступающая как информационный и политический повод), палата представителей Конгресса США 23 сентября 2008 года осудила «голодомор на Украине», признала его «геноцидом против украинского народа» и назвала источник той страшной беды – «советский диктатор Иосиф Сталин и его окружение, сталинское правительство, по воле которых был искусственно создан голод в 1932–1933 годах, жертвами которого стали почти 10 млн. жителей Украины». Констатируя это, американские конгрессмены осудили источник этой трагедии – советское правительство – за «систематические нарушения прав человека, в том числе и свободы самоопределения и свободы слова украинского народа». Но интерпретация «голодомора» в версии американских и украинских политологов и политиков игнорировала тот факт, что трагедия на Украине не была трагедией, сделанной для Украины. Такая же трагедия тогда постигла целый ряд областей в России и в Казахстане. Причинами голода были и неурожай, и некомпетентность руководителей на Украине, в Казахстане, в областях России; и жесткая политика Сталина, требовавшего обеспечить запланированную сдачу зерна для продажи Западу, чтобы закупать оборудование и станки для строящихся заводов. И эти причины касались всех зернопроизводящих областей Советского Союза. При этом смертность от голода в СССР в 1932–1933 годы, по подсчетам российских исследователей на основе архивных материалов и с учетом неучтенной смертности, составила 3,8 млн. человек, но никак не 10 млн, безосновательно указанных в американской резолюции.

Но почему была выбрана Украина в пропагандистской кампании «голодомора»? Здесь стоит обратить внимание на следующую позицию в резолюции американских конгрессменов: Конгресс поддерживает усилия Украины в демократических и рыночных реформах, чтобы Украина «могла продать свой потенциал в качестве важного стратегического компаньона США в этом регионе мира». То есть речь шла о том, чтобы Украина, граничащая с Россией, стала стратегическим партнером США в этом регионе, где США обозначили свои геополитические интересы. И тема «голодомора» в интерпретации американских консультантов понадобилась, чтобы убедить Украину, что у нее своя история, а у России – своя, что Россия всегда угнетала Украину, и украинский «голодомор» самое яркое тому свидетельство. От «голодомора» изменение сознания шло по вектору ненависти – врагом теперь становились русские, которые якобы угнетали украинцев.

Такие вот воспоминания о голоде в интерпретации американцев снова ударили по Украине и России спустя десятилетия.

А тот реальный голод, которым было отмечено детство Бобкова, уже в 1934 году сник, растворился, и жизнь для мальчишки обрела свой смысл в иных ценностях. Школа, романтика пионерских отрядов, и самое главное – соприкосновение с большим и яростным миром. В этом мире, жившем по своим законам, уже гремели имена шахтеров, сделавших славу Донбассу, поднявших рабочих страны на рекорды производства угля, электроэнергии, стали и машин. Была гордость за Никиту Изотова, Алексея Стаханова, что делали историю. Это впечатляло, заставляло строить свои планы на жизнь. И потому запоминалось.

Переход из детства сразу во взрослую жизнь случился в год 1937-й, на который пришел взлет сталинского террора. В один из дней отец, который работал на металлургическом заводе, сказал сыну: «Ты почти взрослый. Поэтому хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но я ни в чем не виноват. Совесть моя чиста». Бобков вспоминает себя, двенадцатилетнего, после этих слов отца: «Я был потрясен. Зачем арестовывать честного человека? И тут меня осенило: в нашем многоквартирном доме оставалось всего пять мужчин. Остальные были арестованы. Может, и они ни в чем не виноваты?» Угроза ареста не стала явью. Но слова отца и то ощущение после них отпечатались в сознании на всю жизнь, которая после этих слов так и осталась для него советской.

Фашистская Германия напала на его страну, когда он перешел в девятый класс. И хотя с каждым днем страна сопротивлялась все ожесточеннее, враг не слабел. Немцы уже выходили к Донбассу. Оттуда эвакуировались заводы, там взрывали шахты, на которых еще вчера делались рекорды. Вывезти или уничтожить, чтобы фашисты не воспользовались. Только так стоял вопрос.

Люди бросали дома, хозяйство, свою родную землю, уходили в глубь страны. Тяжело уходили. В этом нескончаемом человеческом потоке, объединенном горем уходящих, была и семья Бобковых.

Разве такое забудется?

Бобков говорит об особенностях памяти, живущей переживаниями: «Даже воспоминания о самых горячих боях на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи смертей, не так преследовали меня в последующей жизни, как дорога беженцев».

Ровно об этом пишет Александр Фадеев в своем романе «Молодая гвардия», когда описывает переживания людей, уходящих почти из тех же мест, что и семья Бобкова: «Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года. По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы – то нестройными колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах. Они шли, топчя созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба – ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, – они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех. Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, – у всех, кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было, не мигая, смотреть на солнце».

Через пятнадцать лет майор Бобков будет читать посмертное письмо Александра Фадеева, застрелившегося у себя на даче. В этом письме, адресованном руководителям партии, писатель излил всю горечь от непонимания партией сути и смысла литературного творчества, сводимого к надзору за ним в худших традициях бюрократии. Он мог так написать, памятуя и свою судьбу, и то обстоятельство, что имя его уже навсегда было связано с романом «Молодая гвардия», где он показал силу духа юношей и девушек, сумевших так сопро-

тивляться немцам на оккупированной ими донецкой земле, что ждала их только смертная голгофа, которую они приняли не как мученики, а как герои.

В отличие от действующих лиц романа Фадеева, не успевших уйти от немцев, семья Бобковых успела выйти на «большую» землю. Уже там отец получил назначение на строительство заводов подземной газификации угля в городе Ленинск-Кузнецкий, что в Кемеровской области. Тогда все работало на оборону, и заводы эти тоже.

Подкрепленные эвакуированными предприятиями из Донбасса, они сделались мощной энергетической силой, столь нужной для сражающейся страны. Туда и пришел работать младший Бобков. Это был его выбор. И все, кто был рядом, почувствовали самостоятельность этого парня.

А дальше события развивались так. Отец добровольно уходит на фронт, бронебойщиком, бить фашистские танки. Сына избирают секретарем комсомольской организации. В один из дней весны 1942 года в Ленинск-Кузнецкий приехал народный комиссар угольной промышленности Вахрушев, чтобы разобраться, как идут дела на этой большой заводской стройке. И неожиданно заинтересовался: где тут бюро комсомола? Его интересовал один вопрос: готовят ли специалистов для будущего производства из числа молодежи, работающей на стройке? Оказалось, что нет. Тогда он сказал директору строительства: «Вы не думаете о будущем». И указание дал такое: поручить комсоргу возглавить отдел кадров по подготовке специалистов для эксплуатации завода после его пуска. Так Бобков был определен ответственным за выполнение этой важной государственной задачи. Тогда быстро и решали, и работали.

Ему минуло шестнадцать лет, когда он стал секретарем комитета комсомола города Ленинск-Кузнецкий. Столь стремительной карьере способствовало то, что его предшественник, прежний комсомольский секретарь, ушел воевать вместе с отобранными им добровольцами. Делом комсомола был отбор и направление добровольцев в сражающуюся армию. И Бобков недолго пребывал в должности городского комсомольского лидера. Он пошел тем же путем. Вместе с секретарем горкома партии и военным комиссаром он отбирал людей из массы стремящихся на фронт, формировал добровольческую команду. А потом и партийный секретарь, и секретарь комсомольский, и военком написали заявление с требованием отправить их на фронт с теми, в отношении кого они уже свыклись с мыслью воевать вместе.

Так он попал в 6-й сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, части которого формировались на Урале, в Забайкалье, Кемерове, Новосибирске, Омске, Красноярске.

А дальше фронт. Думали, что корпус уйдет под Сталинград. Но фронт по воле Генштаба оказался Калининским. Тяжелейший фронт, долгий и кровавый, фронт, где был город Ржев и Ржевский выступ, который надо было ликвидировать, поскольку он угрожал Москве, и в который немцы вцепились зубами. А еще надо было сдерживать немецкие дивизии, что должны были уйти под Сталинград.

Кровавые затяжные бои, непролазная грязь, хлипкие блиндажи на еловых ветках, покрывающих болотную землю, уходящую из-под ног, по которой непрерывно сажают немецкие минометы; тоска влажных и мрачных лесов, и неизвестно где поджидающая смерть. И тащили на руках через эти болота еду и боеприпасы.

В этом болотном аду Бобков выжил. И не только выжил, он получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу». Солдаты ее ценили, то была честная награда за солдатскую доблесть.

Но вот за что ее давали?

Команда «вперед!», и боец переваливается через бруствер и, пригнувшись, бросается навстречу пулям. Сила приказа, смелость молодости, глушащая страх, неистово гонят туда, где окопался проклятый немец.

А когда натыкались на стену огня, то было точно так, как в изложении фронтового поэта Семена Гудзенко:

Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Эта вражда, проистекающая от злости на немца, усиленная приказом, сообщала неукротимую энергию броску наступающих. А сколько этих бросков было, когда брали Гнездиловские высоты, известные ожесточенными боями за них. Наши атаки, немецкие контратаки... Это был непрерывный ад в течение пяти суток. Дело кончилось тем, что немца все же сломали.

В бою за станцию Павлиново Бобков получил первое ранение – пуля пробила руку. Медсанбат. Там-то и нашел его отец. Он воевал в соседней дивизии, уже помощником начальника штаба полка.

Дальше были бои в Белоруссии, под местечком Ленино, где сын с отцом воевали рядом. За эти жестокие бои Бобков младший получил вторую медаль «За отвагу».

Потом брали Оршу, крупный железнодорожный узел в Белоруссии, стратегически важный для немцев. Здесь пришлось хлебнуть лиха. Немецкая мина разорвалась рядом, сорок осколков прошли по телу. После операции – тридцать два остались в нем на всю оставшуюся жизнь. Замечательные хирурги школы академика Брайцева латали Бобкова в центральной клинической больнице в Москве.

Подлечился солдат, восстановились пробитые легкие. Через восемь месяцев Бобков снова был на фронте, в том же полку, где воевал и отец.

Полк наступал. Отчаянно сопротивлялись немцы. Их штурмовик неожиданно вынырнул из-за леса, прошелся огнем по нашим порядкам и бросил бомбу. Отец еще успел крикнуть: «Берегись!». Было много убитых, так как лежали скученно. Осколками накрыло и отца. Как вспоминал Бобков, «мы отнесли его в медсанбат, и там я с ним простился». Оказалось, навечно. После такого ранения отец не выжил.

А полк шел вперед. 13 октября 1944 года вышли на окраину Риги, столицы Латвии. Немцы держали оборону грамотно. Их пулеметный огонь с крыш домов не позволял пробиться в старый город. И тогда развернули артиллерию. Но последовал приказ командира дивизии: «По старой Риге огня не открывать». Город брали штурмом в уличных боях. Боевые группы буквально выдавливали из домов засевших там немцев. Город не пострадал. И не врут кадры фронтовой кинохроники, на которых рижане бросают цветы солдатам, проходящим по улицам Риги.

Война закончилась победой СССР над гитлеровской Германией и ее союзниками. Бесспорность этой победы была подчеркнута взятием Берлина. Миллионы погибших, замученных, изувеченных сопровождают эту победу, делают ее горькой. Но на пути к ней, в боях этой жестокой войны мужали характеры тех молодых людей, что добровольно встали на линию огня, чтобы без громких слов защитить родину. А если судьба была благосклонна, то и выжить, вопреки обстоятельствам, не разменяв свою совесть на безопасность в тылу.

Впервые с иным пониманием победы Бобков столкнулся, когда допрашивал американских агентов, арестованных в СССР. Это были бывшие советские граждане из военнопленных и перемещенных лиц, прошедшие подготовку в американской диверсионной школе на территории Западной Германии и заброшенные в СССР. В ряду «шпионских» дисци-

плин будущим агентам преподавали и историю. Преподаватель, некто Лев Львович, старался доказать, что к поражению гитлеровской Германии Красная армия имеет лишь косвенное отношение. Он предлагал сидящим перед ним агентам вспомнить, как они попали в плен, как русские войска бежали от немцев. И так продолжалось до тех пор, пока союзники русских, главным образом американцы, не поняли, что Советский Союз не имеет ни современного оружия, ни боеспособной армии. Наиболее талантливые полководцы, вроде генерала Власова, поняли это первыми и перешли к немцам. Но один из агентов по кличке Боб, наиболее думающий (после ареста начал сотрудничать с контрразведкой), хорошо помнил и то, как отступали советские войска, и то, как бежали немцы, бросая оружие и технику. Поэтому он спросил Льва Львовича:

– А как же русские дошли до Берлина, если у них не было ни армии, ни оружия?

На что Лев Львович ответил:

– Благодаря решительным действиям американцев и той помощи, которую они оказывали русским.

Как только отгремели последние залпы войны и Запад стал претендовать на половину победы, писатель и публицист Илья Эренбург, ненавидимый Геббельсом, сказал в первой своей послевоенной публикации: «Если осмотреть труп фашизма, – на нем много ранений, от царапин до тяжелых ран. Но одна рана была смертельной, и ее нанесла фашизму Красная армия».

Это была та армия, которая перемолола в боях 85 процентов войск гитлеровской Германии и ее европейских союзников. Но стоило это Советскому Союзу 27 миллионов жизней его граждан, из которых около 13 миллионов были мирными жителями, – убитыми, умершими от голода и болезней, умерщвленными в нацистских концлагерях, на немецких заводах и в немецких хозяйствах. Цена войны для Советского Союза складывалась из десятков миллионов человеческих жизней, тысяч разрушенных городов, деревень, заводов, школ, институтов, памятников культуры.

Когда после разгрома фашистской Германии в мире началась холодная война, западные оппоненты не хотели знать, а те, кто знал, – помнить, сколько жертв принес Советский Союз на алтарь победы. Сегодня Запад претендует уже не на половину победы во Второй мировой войне, как было более 70 лет назад, а на всю победу, пытаясь утопить в череде бегущих лет память о том, кто на самом деле разгромил цитадель фашизма – гитлеровскую Германию. Запад, прежде всего США, заново создает образы ушедшей в историю мировой войны, и делает это в определенных целях. Профессорам-политологам в союзе с политиками очень важно объединить нацистскую Германию с Советским Союзом, сделав их в своих умопостроениях субъектами одной крови. И тогда можно убеждать мир, что сталинский СССР был таким же агрессором, хищником, как и гитлеровская Германия. Он также завоевывал и оккупировал другие страны в Прибалтике, в восточной и центральной Европе, как и Германия нацистского фюрера. Следуя этой профессорской логике, публику подталкивают к выводу, что в этом случае Россия как преемник СССР должна взять на себя политическую и моральную вину за эту «оккупацию» и материально компенсировать «ущерб пострадавшим» народам. Но есть еще более дальняя цель этой интеллектуальной операции. Россия, приняв на себя эту мнимую вину за СССР, перестав быть страной-победительницей в мировой войне, уже вряд ли сможет стать кристаллизующим центром новой цивилизации – русского мира, развивающегося на ресурсах своей истории, культуры и интеллекта. Такая цивилизация, растущая рядом с Евросоюзом, никак не вписывается в мир по-американски.

Радикальные приверженцы этих целей для России считают, что страна, спасшая 70 лет назад мир от фашистской чумы, должна стать изгоем мира в первой половине нового века. Полагаясь на мощь массовых коммуникаций, они пытаются навязать миру тот образ России, что проектировали в той или степени с начала холодной войны. С ориентацией на этот

образ предлагались учебники по истории, снимались фильмы, сочинялись книжки, сносились одни и возводились другие памятники, создавались компьютерные игры, одна за другой по определенным формулам проводились общественно-политические акции, чтобы изменить сознание людей.

Но разве во имя такой России страдали и гибли миллионы наших людей в ту Великую Отечественную войну?

Когда в 1965 году страна широко отмечала двадцатилетие победы, думающие люди из числа воевавших ловили себя на мысли, что наступит время, когда во власти будут люди, не хлебнувшие горя и побед этой войны. И, возможно, чувство родины у них будет другое, и боль той войны они не удержат. И это самое опасное. Судьбы Горбачева и Ельцина были окрашены как раз непониманием этой боли и этих побед, что тоже привело к трагедии страны.

А что может удержать и понимание той войны, и гордость за победы в ней, и за ее героев, и боль за ее жертвы? Такой вопрос задавали и Бобкову.

С течением времени вопрос этот только крепнет. А сегодня он вообще оказался в центре мировоззренческого противостояния России и Запада. Но какой может быть ответ?

Опытные бойцы мировоззренческого фронта, в том числе и с учеными степенями, все более обращают внимание на мораль и нравственность в поисках ответа.

Это честные знания и честная память о великой войне. Знания и память, обусловленные моралью, которые необходимо культивировать наукой, литературой, искусством, образованием и постоянно поддерживать, предоставляя все новые и новые доказательства нашей победы в этой войне. Если дело было правое, то правда все докажет.

Не потому ли Джордж Кеннан, главный стратег холодной войны, выступая в Национальной военной академии США в декабре 1947 года, предложил для дипломатии и идеологических операций понятие «необходимой лжи»?

Но опытные бойцы знают, что молчанье или искривленная правда, или «необходимая ложь», всегда хуже доказательств, обусловленных нравственным подходом.

Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв

Война кончилась. И нужно было определять свое будущее. А какие ресурсы для этого имел Бобков? Лучший – конечно, молодость, восемнадцать лет. К тому же фронтовик, да еще в звании старшины, опытный солдат, смел, сообразителен, психологически устойчив, в бою надежен. Образование почти среднее. Коммунист. Такими людьми не бросаются. Таким людям предлагают стоящее дело.

Бобкову предложили учиться в школе контрразведки СМЕРШ. «Смерть шпионам» – так назвал Сталин в 1943 году реорганизованную военную контрразведку. За годы войны, эта служба заявила о себе так, что гитлеровские спецслужбы – Абвер, СД, гестапо – признали в ней серьезного, бескомпромиссного противника, действующего жестко, агрессивно, изобретательно.

Бобков выбрал Ленинградскую школу СМЕРШ. Уже после первых занятий стало понятно, как были далеки от реальности представления о контрразведывательной деятельности у слушателей школы. Оказывается, это была целая наука с множеством технологий, приемов и практических действий, которые нужно было освоить. Но при этом наука эта была не засохшая, а занимательная, обращенная к жизни, снимающая покров с ее тайных лабиринтов.

Слушали лекции профессионалов, изучали документы, связанные с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, постигали методы заброски агентов немецкими спецслужбами, разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. И, конечно, вникали в операции внедрения нашей агентуры в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и гитлеровские спецформирования.

Вчерашний день? Враг разбит, а тут изучают его методы и наши методы против него. Зачем?

Но американцы занимались тем же самым. Так же изучали достижения немецкой разведки и контрразведки. Колоссальное количество материалов было вывезено из поверженной Германии для изучения в США. Да и бывшие деятели немецких разведывательных и контрразведывательных органов, оказавшиеся в США, пришли туда не с пустыми руками. Генерал Рейнхард Гелен, начальник отдела «Иностранные армии востока» немецкого генштаба, передал американцам огромный и бесценный архив развединформации по Советскому Союзу, и в придачу – каталог описания методов добывания этой информации. Главным методом здесь были многочисленные допросы советских военнопленных, которые представляли разные слои общества. Архив Гелена, пятьдесят стальных ящиков, был набит папками с материалами о Вооруженных силах СССР, о советских военачальниках, об экономике и советской политической системе, там были данные аэрофотосъемки советской территории. Материалы Гелена показывали потенциальные возможности металлургической, нефтехимической, танковой, артиллерийской, авиационной промышленности СССР, пропускную способность транспортных коммуникаций, людские резервы, систему подготовки кадров, творческие возможности советских армейских, авиационных, «промышленных» генералов. Материалы Гелена отражали особенности социальных, политических, национальных отношений в СССР, взаимоотношения власти и населения. Вся эта информация теперь была у американцев. Первые послевоенные разведывательные операции американского Управления стратегических служб (предшественника ЦРУ) против СССР питались немецкими разработками и «немецкой» информацией об СССР.

Поэтому то, как учили в СМЕРШе (особенно работе с информацией, особенно на опыте немецких спецслужб), предопределяло уверенный профессиональный рост будущих контрразведчиков.

Но какой он – контрразведчик из СМЕРШа? Какой его образ вдохновлял выпускников школы? Пожалуй, тот, который воплощали офицеры военной контрразведки в годы войны, выполняя опасные, сложные и ответственные задания, от которых зависели жизни тысяч людей и судьбы военных операций в масштабах фронтов. Именно такой образ создал писатель В. Богомолов через много лет в своем замечательном романе «Момент истины», в котором рассказывалось о том, как офицеры СМЕРШа ищут и находят в тылах нашей армии, готовящейся к наступлению, немецких агентов. Случай действительно реальный.

Но то, как изобразил Богомолов профессионалов СМЕРШа, их методы, совпадало отчасти и с тем, как и чему учили в школе СМЕРШ в 1945 году, когда там учился Бобков.

И прежде всего это касалось того объема информации, который офицер СМЕРШа должен был прокачать в уме при встрече с подозреваемыми людьми. Как это в романе делает капитан Алехин: «Словесный портрет совпадает... Неужели Мищенко?.. Не исключено!.. Мищенко – это фигура!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они – „Неман“... Качай! Аттестат на продовольствие... Шифр... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Убывшему в командировку... Вильнюс... Лида и районы... Номер и дата документа... Командировочное предписание от десятого августа... Фактура бумаги... плотность... Так... исключен с довольствия с шестнадцатого... Срок действия аттестата... двадцать первое... Роспись лица, получившего аттестат... Поговори с ним... насчет довольствия... Так... Фиксируй лицо!.. Хорошо... Так... Теперь спроси у них... Документов у них достаточно... И никаких вазомоторов, никакой вегетатики!.. Словесный портрет совпадает, наверное, полностью... Но не факт, что это Мищенко... Не думай о Мищенко! Твоя задача – заставить этих троих проявить свою суть... Кто бы они ни были!.. Поставь их на место... И обозли... Повтори еще раз... Простака играй, дубового службиста... Больше упрямства... Обострай!.. А капитан молодец!.. Как владеет собой!.. Неужели это – Мищенко? Неужели они „Неман“?»

За десять минут капитан Алехин «прокачал» Мищенко.

Но мог ли предполагать Бобков тогда, в 1945 году, что через 29 лет будет написан такой роман о контрразведчиках СМЕРШа, и он, Бобков, генерал КГБ, будет вместе с другими понимающими и смелыми людьми спасать этот роман от посягательств бюрократов из пресс-службы КГБ, от военной цензуры, от генералов из Министерства обороны, от перестраховщиков в журнале «Новый мир».

Приведу здесь слова самого Богомолова, который потом описал эпопею с публикацией романа:

«Хорошо помню июльский полдень 1974 года, когда И. С. Черноуцан (консультант ЦК КПСС. – Э. М.), ознакомившись с десятками замечаний на полях и убедившись, что среди них нет ни одного относящегося к компетенции людей, их писавших, сказал мне: „Там есть очень толковый доброжелательный человек, генерал Бобков. Сейчас пойду и от Беляева (заведующий Отделом культуры ЦК КПСС – Э. М.) «по вертушке» ему позвоню...“ (Филипп Денисович Бобков, генерал-лейтенант, возглавлял 5-е управление КГБ, иначе Управление по борьбе с идеологическими диверсиями, созданное по личной инициативе Ю. В. Андропова, который считал, что „основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя – не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства“).

Минут десять спустя он вернулся и сообщил: „Я с ним говорил, он отнесся с пониманием и все передаст. К сожалению, Пресс-бюро (Пресс-бюро КГБ. – Э. М.) ему не подчиняется...“

Несомненно, разговор Ф. Д. с Пресс-бюро повлиял на дальнейшие события...» [1].

Потом Богомоллов напишет:

«Я до конца своей жизни всегда с благодарностью буду помнить замечательных людей, чья гражданская позиция, смелость и мужество в принятии решений способствовали тому, что роман увидел свет. Это трогательный и отважный Валентин Павлович Аксенов (редактор издательства „Молодая гвардия“. – Э. М.), честный Олег Александрович Смирнов (и. о. главного редактора журнала „Новый мир“. – Э. М.), умный и проницательный Игорь Сергеевич Черноуцан, доброжелательный Альберт Андреевич Беляев, принципиальный генерал Филипп Денисович Бобков.

Низкий им поклон!» [2].

Еще в школе СМЕРШ Бобков понял важную истину: в контрразведке побеждает тот, кто имеет широту взгляда, знания, прежде всего гуманитарные, хорошую память и ищущий ум. Конечно, сугубо профессиональная школа СМЕРШ гуманитарных знаний университетского уровня дать не могла. Но выход был в самообразовании. И не от случая к случаю. А регулярно, методично, день ото дня самостоятельно идти к этим знаниям, читать и читать. Не бессистемно, а постигая историю России, классическую литературу, работы классиков марксизма. Пусть только Маркса, Энгельса, Ленина, но все же классиков политики и классовой борьбы.

Бобкову было легче. У него была предрасположенность к чтению еще с детства. Когда уходили из Донбасса на «большую» землю, отец положил в вещевой мешок двухтомник романа С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Пока добрались до места назначения, прочитали оба тома. «А осенью сорок третьего, – рассказывал Бобков, – когда мы вошли в какой-то одинокий пустой дом на краю деревни, отбитой у немцев, я увидел на этажерке третий том „Севастопольской страды“. Взял с собой, читал по возможности между боями. А последний, четвертый том, одолел уже, когда лежал в госпитале после второго ранения».

Вот еще один книжный эпизод, который вспоминает Бобков: «Когда были на передислокации под Гжатском, к офицерам полка попала книга того же Сергеева-Ценского „Брусиловский прорыв“. Она долго ходила по рукам и в конце концов осела у меня. Я читал ее вслух солдатам во время перерывов на учениях, на привалах по пути на передовую. А закончил читать перед атакой на Гнездиловские высоты, за которые мы бились пять суток. Это была чередой непрерывных, жестоких боев».

А пока шло зачисление в школу СМЕРШ, грянула другая книжная история. Будущим слушателям школы поручили разобрать книги из частных собраний, из книжных хранилищ, разбитых во время блокады. Эти книги свозили в Петропавловскую крепость, и теперь они ждали, когда с ними разберутся, чтобы пополнить научные и публичные библиотеки. Бобков попал в команду, которой предстояло сортировать книги на хорах собора Петра и Павла. «Каких только уникальных изданий я там не увидел, – вспоминал он, – книги с автографами Достоевского, Герцена, Огарева, Горького, подшивки журнала „Будильник“... Мы забирались на хоры, читали запоем, оторваться не могли. Спихивались, снова брались за разборку...»

Отчетливо вспоминается то, что пережито. Здесь пережитое связано с книгами. Это приобретает какой-то мистический смысл: книга в долгую дорогу, книга в одиноком доме, книга перед атакой, книги на хорах собора Петра и Павла... Может, книги и хранили человека? Такой вот книжный талисман, сохранивший жизнь бойцу.

А потом этот книжный талисман вывел бойца в мир серьезного знания. Школа СМЕРШ запомнилась самообразовательным прорывом. Каждое воскресенье Бобков посещал открытые лекции в университете, которые читал академик Евгений Викторович Тарле. Что значил Тарле для исторической науки? Его исследования о Наполеоне, о нашествии Наполеона на Россию, о падении абсолютизма в Западной Европе, о Европе в эпоху импе-

риализма, о Екатерине II и ее дипломатии, о внешней политике Петра I, о Крымской войне вывели советскую историческую науку на мировой уровень. И лекции его были настолько впечатляющими, что помнятся до сих пор.

Но Тарле был по воскресеньям. А по будням – «самообразовательные» вечера в богатейшей публичной библиотеке Ленинграда, что носит имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ведь были еще и воскресные вечера, которые посвящались театрам. Классические пьесы и современные драмы запоминались прежде всего игрой выдающихся ленинградских актеров того времени.

Но тогда же на ниве самообразования Бобков, – как он говорит, – получил политический нокдаун. Он, да и все его товарищи по школе СМЕРШ зачитывались рассказами М. Зощенко, стихами А. Ахматовой, что печатались в журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы те буквально ходили по рукам. И вдруг в августе 1946 года появляется постановление ЦК партии с уничтожающей критикой этих изданий и сочинений этих авторов.

– Чувствовали, что это несправедливо, но понять, в чем дело, не могли, – говорит Бобков. – И не раздумывая понеслись в театр, чтобы успеть увидеть, пока не сняли, комедию Зощенко «Парусиновый портфель».

Такой вот был спонтанный ответ слушателей школы СМЕРШ на решение ЦК.

Спустя годы стало понятно, что вся эта кампания против журналов и Зощенко с Ахматовой была следствием борьбы определенных группировок за влияние в партии. А Бобков и товарищи тогда ломали головы над разрешением этой загадки, названной «политическим нокдауном».

Вспоминая свои самообразовательные бдения, Бобков признавался, насколько они помогли ему уверенно работать с разными людьми, смотреть на проблемы не чиновничьим, а исследовательским взглядом и находить стоящие решения.

Постижение контрразведки

После окончания школы СМЕРШ Бобков был направлен на работу в центральный аппарат Министерства государственной безопасности. Тому способствовало и стечение обстоятельств, и состояние здоровья. Сырой ленинградский климат был ему противопоказан: ранение легких не прошло бесследно. Стоило ему пробежать стометровку, как мучил кровавый кашель. Будущее определилось, когда пришла заявка из Москвы. В октябре 1946 года младший лейтенант Бобков переступил порог здания МГБ на площади Дзержинского. С должности помощника оперуполномоченного началась его служба.

Ранним утром, когда еще улицы были пусты, он спешил на работу. И каждый раз взгляд его задерживался на витрине коммерческого магазина, мимо которого он держал путь. А там, за сияющим стеклом, вальяжно расположились копченые и вареные колбасы, окорока, банки с крабами, севрюжки бока, горбуша, кета и разная рыбка помельче. Он мог только вздохнуть, сожалея, что лейтенантская зарплата не дает возможности вкусить это изобилие. Страна еще жила по карточкам, залечивая военные раны. И офицеры контрразведки, даже имея офицерский паек, не слишком отличались своим материальным благополучием.

Работа захватила сразу, потому что его включили в самые сложные дела. Уже прозвучала речь У. Черчилля в американском Фултоне, положившая начало холодной войне. В этой речи он сказал, что «на свет союзнической победы (над гитлеровской Германией. – Э. М.) легла черная тень Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и их настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру», – это образ врага, который уравнивается с фашизмом. Вот как это им сделано: «Если бы монополией на ядерное оружие завладело какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство, в отличие от монополии на него США, то они смогли бы навязать свободному демократическому миру одну из своих тоталитарных систем». Черчилль тогда создал образ, объединяющий коммунизм и фашизм в одно целое, образ тоталитаризма, интегрального фашизма – врага человечества. Черчилль первый в новом послевоенном мире, кто объявил тождественность понятий коммунизма и фашизма. В последующие годы «советологи» и «русисты» в научных центрах шли по его колее. Советский Союз не просто враг – он идейный враг для христианской цивилизации. И в связи с этим образ приобретает новый смысл: «Советская Россия хочет бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии». Черчилль говорил, что именно война и тирания, исходящие от Советского Союза, – враги простых людей и человечества.

Фултонская речь У. Черчилля как первая политико-идеологическая доктрина холодной войны удачно встроилась в планы американского военного командования. К декабрю 1945 года у США уже было 196 атомных бомб, и, согласно военным циркулярам, им готовилось достойное применение. В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года (то есть через семь месяцев после совместной с СССР победы над Гитлером) говорилось:

«На карте к приложению А [документ разведки]... указаны двадцать основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб... Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим» [3].

В середине 1948 года был составлен план «Чариотир» – по нему предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. К 1 сентября 1948 года появился документ «Флитвуд» – своего рода методическое руководство к составлению оперативных планов. А уже 21 декабря 1948 года был готов разработанный по этой методике оперативный план бомбардировки СССР. В 1949 году родился еще один план – «Дропшот», по которому в первые дни войны на СССР планировалось сбросить более 300 атомных бомб, не считая обычных, способных уничтожить до 85 процентов советской промышленности [4].

В связи с разработкой таких планов активизировалась американская разведка. Чтобы планировать нанесение ударов по Советскому Союзу, необходимо было представлять обзорные возможности этой страны – инфраструктуру, жизненно важные промышленные предприятия, систему противовоздушной обороны, расположение военных аэродромов, типы боевых самолетов на них.

Генерал Кертис Лемей, глава стратегической авиации США, знал, что экипажи его бомбардировщиков после сброса ядерных бомб на советские города должны будут катапультироваться над территорией СССР, поскольку у самолетов не хватит топлива, чтобы вернуться на свои базы. Поэтому Лемей ставил перед ЦРУ задачу создания маршрутов эвакуации экипажей бомбардировщиков, требовал от ЦРУ быть готовыми организовать диверсии на взлетно-посадочных полосах советских военных аэродромов, чтобы нейтрализовать советскую авиацию, способную помешать американским бомбардировщикам выполнить свою боевую задачу. ЦРУ планировало тогда расположить своих агентов с радиостанциями близ советских аэродромов, которые находились между Берлином и Уралом.

Поэтому тогда резко увеличилось количество забрасываемых на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп. Бобкову пришлось работать с такими группами. Контрразведывательная особенность такой работы была в том, что эти группы формировались из бывших советских граждан, – либо из тех, кто попал в немецкий плен в годы войны, либо из так называемых перемещенных лиц – людей, в свое время вывезенных немцами на работу в Германию и оставшихся там или попавших в Германию в поисках куска хлеба. Такая особенность этих групп диктовала и особые подходы к агентам, что действовали в их составе.

Вот что рассказывает Бобков:

«В начале 50-х годов в местечке Тагернзее, что в 50 километрах от Мюнхена, в большом двухэтажном особняке, стоявшем особняком, расположилась американская разведывательно-диверсионная школа. Преподавателями-наставниками в ней были американцы и русские. Настал момент, когда восемь выпускников школы с интервалами в несколько дней были попарно заброшены в разные районы СССР с целью разведки и организации диверсий на промышленных объектах. Их хорошо подготовили, все было предусмотрено, чтобы агенты не провалились. Организаторы операции не могли предусмотреть только одного. В школе работал наш человек, и отнюдь не в роли рядового курсанта. Так что нам заведомо стало известно, кто, где и когда будет к нам заброшен. Мы дали агентам возможность найти надежные тайники, спрятать свое снаряжение, а потом задержали. Семеро из них оказались солдатами, попавшими в годы войны в немецкий плен. В послевоенные годы всем им пришлось владеть жалкое существование в Западной Германии, но домой они боялись вернуться – были убеждены, что их немедленно, чуть ли не на границе расстреляют. После нескольких допросов мы убедились, что четверо из них не враги, а просто несчастные, измученные люди. Их выпустили на свободу, помогли устроиться на работу, получить жилье.

Один из этих заброшенных агентов – Петр Кудрин, по кличке Боб, привлек к себе особое внимание. Из родных мест он ушел еще мальчишкой, вслед за отступавшими немцами. На чужбине жизнь его была невыносимой: ни жилья, ни работы, лишь редкие случайные

заработки. Вконец отчаявшийся, он попал в американскую разведывательно-диверсионную школу, после подготовки в которой он оказался на территории СССР. Мы поверили ему и предложили помогать нам. Он согласился.

По заданию своих хозяев он должен был обосноваться недалеко от Москвы. Поэтому устроили его на завод по производству термометров, что в Клину. Но самое важное – близ этого завода находился военный аэродром. А как предписывали его американские руководители, он должен был обосноваться рядом с этим аэродромом. Боб написал первое донесение и в условленный день и час вышел на связь с центром. Агент сообщил, что благополучно прибыл, нашел работу в Клину и о дальнейшем будет сообщать регулярно. Боб передал нам двадцать шесть условных сигналов, по которым в американском разведцентре могли определить, не работает ли он под контролем. Например, на вопрос: „Слушаете ли вы «Голос Америки?»“ – радиист должен был ответить: „Слушаю голос кита“. Любой другой ответ означал бы, что передачу контролируют.

Мы верили, что Петр не обманывает, однако сомневались, полностью ли доверяют ему хозяева. А вдруг догадаются, что он ведет тонкую игру. Поэтому решили кое-чем пожертвовать.

На верхушке дерева оборудовали ему „рабочее место“, откуда хорошо просматривался аэродром. Несколько дней подряд Боб вел наблюдения, записывая все, что видел, и регулярно с этого „места“ выходил на связь. Благодаря этим сведениям его хозяева могли определить, что представляет собой аэродром, сколько там базируется самолетов, их типы.

Спустя некоторое время наш агент в Берлине передал американской разведке вместе с другими „секретными данными“ и сведения о военном аэродроме в Клину. Они почти полностью совпали с тем, что было ранее сообщено Бобом. Мы знали, что обе информации попадут в одни руки, значит, не останется сомнений в правдивости сообщений агента.

Полтора года Боб вел игру, и она принесла нам немалую пользу. По вопросам, которые разведцентр ставил перед Бобом, мы точно установили, что именно интересует американцев» [5].

А интересовало их то, что требовал генерал Лемей от ЦРУ, готовя свою стратегическую авиацию для ядерных ударов по СССР.

По большому счету успех этой контрразведывательной операции, как и других подобных, в которых принимал участие Бобков, зависел от того, насколько искусно контрразведчики могли работать с людьми, ставшими агентами вражеской разведки. Работать тонко и проникновенно, погружаясь в хитросплетения человеческих судеб.

В начале 50-х годов американцы отказались от планов нанесения ядерных ударов по Советскому Союзу. И не только благодаря растущей военной мощи СССР, у которого к концу 1949 года уже была своя атомная бомба, но и в силу «внутрисоветских» причин, главная из которых – отношения власти и народа. Американская разведка обратилась тогда к ученым Университета Гарварда, чтобы те выявили настроения советских людей, хотя бы из числа перемещенных лиц, что содержались в лагерях на территории Западной Германии. И неожиданно оказалось для американцев то, что далеко не все советские люди мыслили, как солженицынский Спиридон Данилович из романа «В круге первом»: «Если бы мне, Глеба, сказали сейчас: вот летит такой самолет, на ём бомба атомная. Хочешь, тебя тут как собаку похоронит под лестницей, и семью твою перекроет, и еще мильён людей, но с вами – отца Усатого и все заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ по лагерям, по колхозам, по лесхозам?... Я, Глеба, поверишь? нет больше терпелу! терпелу – не осталось! я бы сказал... А ну! ну! кидай! рушь!!».

Фиксация такого мнения, пожалуй, была не меньшим успехом американского ЦРУ, чем проведение тайных операций на территории СССР.

После этого американцы обращаются к новой стратегии в отношении СССР, которая к тому времени уже была разработана талантливыми функционерами Государственного департамента США и ЦРУ. Ведущая роль здесь принадлежала Джорджу Кеннану, возглавлявшему тогда отдел планирования внешней политики Госдепартамента США. Как пишет биограф ЦРУ Тим Вейнер, 4 мая 1948 года в одном сверхсекретном документе, предназначенном для двух десятков лиц в Госдепартаменте, Белом доме и Пентагоне, Кеннан провозгласил «инаугурацию организованной политической войны» против Советского Союза и призвал к созданию новой тайной службы, которая займется проведением операций во всем мире. Так впервые негласно Советскому Союзу была объявлена политическая война. Кеннан определенно заявил, что план Маршалла и тайные операции ЦРУ отныне становятся частями одной большой стратегии, направленной против Сталина [6].

Здесь небольшое отступление по поводу плана Маршалла. Согласно этому плану, шестнадцати европейским странам, чья экономика пострадала в годы войны и где у власти были некоммунистические правительства, предлагались миллиарды долларов в качестве финансовой помощи. А скрытая цель была еще и в том, чтобы с помощью этих стран создать американский экономический и политический барьер против Советского Союза. Американский конгресс выделил на план Маршалла около 13,7 млрд долларов на срок более пяти лет. А дальше началось самое интересное. Страна, которая получала помощь по этому плану, должна была зарезервировать эквивалентную сумму в собственной валюте. При этом пять процентов из указанного бюджета, 685 млн. долларов, поступали в распоряжение ЦРУ через заграничные представительства плана Маршалла. Как отмечает Тим Вейнер, это была глобальная схема отмывания денег, которая оставалась секретной вплоть до полного окончания холодной войны. Добавим, что как раз на эти деньги, ставшие деньгами ЦРУ, и велась подрывная работа против СССР.

Идеи Кеннана о политической войне с Советским Союзом были одобрены в секретной резолюции Совета национальной безопасности США от 18 июня 1948 года. Тайные операции против СССР теперь можно было вести согласно директиве 10/2 СНБ. Ударной силой, которая могла организовать и вести такие операции, стало Управление координации политики ЦРУ. И все благодаря тому, что это управление возглавил Фрэнк Уизнер. Это была легендарная личность. Как свидетельствует Т. Вейнер, Уизнер работал в «состоянии контролируемого безумия» не менее двенадцати часов в день, шесть дней в неделю, и такой же самоотдачи требовал от подчиненных. Его управление вскоре переросло все остальные в составе ЦРУ. Тайные операции стали доминирующей силой Управления; в эти операции было вовлечено больше людей, больше материальных и финансовых средств и больше власти.

По планам Уизнера, мощным оружием политической войны должно было стать радио. И подрывную деятельность против Советского Союза тогда планировалось строить на радиопропаганде. Радио доказало свою ударную возможность во Второй мировой войне во всех воюющих державах. Американцы учились и у немцев, и у англичан. Но они не только перенимали опыт, они намерены были превзойти достижения и тех и других во влиянии на людей. Уизнер создал мощную группировку СМИ для пропаганды, в которой ведущими были радиостанции, выполняющие провоцирующую и организующую роль в создании антисоветских групп в Советском Союзе.

Но выход радио на сцену политической войны произошел еще до появления планов радиовойны от Фрэнка Уизнера. Политическое радио заявило о себе 17 февраля 1947 года, когда правительственная радиостанция «Голос Америки» начала вещать на Советский Союз. А в Советском Союзе в это же время рижский радиозавод выпустил приемник с ультракоротковолновым диапазоном. Покупали его хорошо, публика могла свободно слушать зарубежные радиопередачи. И, конечно, «Голос Америки».

По этому поводу в МГБ собрали рабочую группу из представителей разных отделов для обсуждения этой ситуации, итогом чего должно было стать некое решение, оформленное запиской в ЦК партии. Группу возглавил Леонид Райхман, к тому времени заместитель начальника второго Главного, контрразведывательного управления МГБ. И его подчиненный Филипп Бобков тоже оказался в этой группе.

Собирались несколько раз и дискутировали, невзирая на чины и звания. Но в целом спор свелся к противостоянию «молодых» и «старых» чекистов. «Старики» предлагали изъять у населения приемники, как это сделали в начале Великой Отечественной войны. «Молодежь» эту идею не воспринимала. Итоги дебатов подвел Райхман. Позиция его была по тем временам смела: технический прогресс не остановить, изъятием радиоприемников мало чего добьешься, только вызовешь недовольство людей, а вообще надо быть готовым к идеологической борьбе с нашим противником на поле радиопропаганды. Ну а ближайшая мера – потребовать от производителей радиоаппаратов исключить диапазон УКВ на выпускаемых приемниках. Что и было сделано. А вот по первой части его выступления, оформленной запиской в инстанции, как принято тогда было говорить, и которая, конечно, была адресована партийным функционерам из Управления агитации и пропаганды, ничего не было сделано. От идейной борьбы ушли, закрывшись на долгие годы «радиоглушилками». Это была, пожалуй, первая ситуация, которую наблюдал Бобков, когда явным стало расхождение в понимании проблемы между партийными чиновниками и чекистами. В этом расхождении партийная позиция была далеко не прогрессивной.

Надо сказать, что Бобков познавал тонкости контрразведки, работая под началом талантливых контрразведчиков. Одним из них и был Леонид Федорович Райхман, предложивший столь смелое решение проблемы противодействия американской радиопропаганде. Райхман – интеллектуально одаренный человек, автор эффективных контрразведывательных операций, чье имя связывают с деятельностью Николая Кузнецова, легендарной личности в советской разведке. Райхман был родом из семьи ремесленника, и свое образование он получил в начальной школе. Но следствием этого начального образования стала неумная жажда чтения, превратившаяся скоро в систему самообразования. Чекистская деятельность у него, семнадцатилетнего парня, началась в 20-е годы в Ленинградском управлении ГПУ. В начале 30-х способного сотрудника перевели в Москву, в центральный аппарат НКВД. Карьера развивалась стремительно: в 1938 году он – начальник отделения, а потом заместитель начальника отдела Главного Управления госбезопасности НКВД СССР. Свидетельница из того времени спустя десятилетия скажет о Райхмане начала 40-х годов: «Молодой военный с густой шевелюрой волос, маниакально упоенный следственной деятельностью». В 1941 году Райхман – заместитель начальника управления контрразведки НКГБ СССР, с 1946 года – заместитель начальника второго (контрразведывательного) Главного управления МГБ СССР. Со слов тех, кто его помнит: невысокого роста, ладный, обаятельный в общении, всегда незауряден в делах, точен, аккуратен, тщательно выбрит, отутюжен, пахнет дорогим одеколоном, всегда с неизменной папиросой из дорогой коробки марки «Казбек», о которую постукивает мундштуком, прежде чем закурить. Его начальником был небезызвестный контрразведчик Павел Васильевич Федотов, о котором в служебной характеристике говорилось: «свою работу знает хорошо, в выполнении заданий медлителен, что объясняется чрезвычайной тщательностью работы». Эта некоторая медлительность Федотова хорошо компенсировалась энергетикой и изобретательностью Райхмана. Но конфликтов между ними не было, Федотов очень ценил своего зама. Супруга Райхмана, прима-балерина Большого театра Ольга Лепешинская, рассказывала: «Мы с Федотовыми дружили семьями, часто собирались вместе. Так принято было: легкое застолье, интересные разговоры, песни. У Райхмана был прекрасный баритон, абсолютный слух, пел он красиво. И столько песен знал! У нас в гостях бывали Эйзенштейн, Пудовкин, многие известные люди

искусства. Райхман никогда не терялся, общаясь с ними. Он как-то умудрялся быть своим среди них».

Мог ли тогда представить Бобков, что спустя четыре года после того совещания по проблемам радио, летом 1951 года, Райхман будет арестован, так же как некоторые другие начальники управлений и отделов МГБ, а перед этим будет арестован министр госбезопасности В. Абакумов. Все эти аресты и скандалы, которые сотрясали тогда МГБ, были следствием жестокого столкновения группировок, борющихся за власть в стране. Как вспоминал Бобков, «мы шли на работу, не зная, что нас ждет, а уходя, шутили: „Если не вернусь, считайте меня коммунистом“». Но тем не менее даже в тех условиях контрразведка свою работу делала.

Я бы отметил одну особенность мышления Райхмана, которая оказала влияние на Бобкова. Заключалась она в том, что действие любого приема или средства, применяемого иностранной разведкой, он проецировал в будущее, ставя это действие в новые обстоятельства, соединяя его с достижениями научно-технического прогресса и ожидаемыми новыми формами социальной жизни. Когда ЦРУ занялось созданием мощной группировки СМИ, ориентированной на пропаганду, он понял раньше всех, насколько и как усилится потенциал подрывных действий против существующего строя в СССР.

А Штаты действительно наращивали радионаступление. В начале 1951 года начались регулярные передачи радио «Свободная Европа», а в марте 1953 года прорезался голос радио «Свобода». Они считались частными радиостанциями, и американское правительство заявляло, что не имеет к ним никакого отношения. ЦРУ имело, негласно, а правительство – нет. Тогда же, в начале 50-х, ЦРУ помогло развернуться на американские деньги и радиостанции НТС «Свободная Россия», что вещала из Западной Германии, из Южной Кореи, с Тайваня на Советский Союз. Главная, стратегическая идея, в соответствии с которой они действовали, определялась откровенно: это «голоса революционеров, действующих против существующих режимов в тех странах, на которые шли передачи». Солидный источник дает основание утверждать, что это были, конечно, подрывные радиостанции. Да и американцы потом это подтверждали, не стесняясь.

Одно из свидетельств принадлежит старшему научному сотруднику Архивов национальной безопасности США Джону Прадосу: «В самом начале – с 1950 по 1952 год – ЦРУ было главным спонсором „Свободы“ и „Свободной Европы“. Оно предоставляло им не только деньги, но всю аппаратуру и необходимых технических экспертов. Однако постепенно стратегия „Свободной Европы“ начала меняться. Она стала больше ориентироваться на социально-культурные процессы в восточноевропейских государствах, открылась для финансирования со стороны частных лиц. Роль ЦРУ как ее ментора уменьшалась. В совете директоров осталось всего, может быть, пара людей, которые осуществляли связь с Лэнгли (штаб-квартира ЦРУ. – Э. М.) и соответственно выполняли его волю. Однако им еще нужно было убедить остальных членов совета в необходимости принятия тех или иных рекомендаций ЦРУ. На радиостанции „Свобода“ была другая ситуация, поскольку она напрямую финансировалась ЦРУ в течение длительного периода времени... Я думаю, что роль... „Свободы“ и „Свободной Европы“, вещавших с территории Европы на СССР и другие страны Восточного блока, была (в холодной войне. – Э. М.) особенно велика. Некоторые эксперты считают, что радиостанция «Свободная Европа» сыграла роль прямого катализатора восстания венгров против коммунистической системы в 1956 году. У нас нет стопроцентных свидетельств того, что эта радиостанция призывала венгров к восстанию, хотя, безусловно, мы не можем утверждать, что она соблюдала полный нейтралитет во время тех событий. В любом случае и события в Венгрии, и события в Чехословакии, и развал СССР (недаром Борис Ельцин как-то признался, что из всех радиостанций он слушал в основном „Свободу“)

дают возможность судить о степени влияния американских радиостанций на умы и души жителей Восточной Европы» [7].

Контрразведка КГБ знала, что мощную подрывную радиодетельность инициировал неистовый Фрэнк Уизнер, что создан комитет радио «Свобода», в котором работают сотрудники ЦРУ, занимая там официальные должности, что вещание «Свободы» организовано на 22 языках (практически на языках большинства народов, населявших СССР). Деятельность этого радиокomiteта шла по двум направлениям. С одной стороны, радиопропаганда, в которой умело использовались все просчеты и ошибки лидеров коммунистической партии и государства. Делались прямые призывы к открытой борьбе с существующим коммунистическим режимом. С другой стороны, комитет и радио «Свобода» занимались агентурной работой, поиском сообщников, объединением их в группы, оказанием им материальной помощи. Делалось это для того, чтобы эти группы создавали внутри страны так называемые «очаги сопротивления», которые способны были бы в нужный момент выступить и поддержать тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу. В программе комитета говорилось о том, что его целью является необходимость добиваться так называемых «конструктивных» изменений в СССР. Комитет радио «Свобода» был одним из самых эффективных центров идеологической диверсии. Именно диверсии, а не только пропаганды.

Параллельно с радионаступлением американцы занялись мобилизацией антисоветских центров эмиграции. Внимание было обращено прежде всего к НТС – Народно-трудовому союзу. Этот союз был наследником созданного в 1932 году Национально-трудового союза нового поколения, молодежного крыла белогвардейской военной организации, рожденной в эмиграции офицерами белых армий, бежавшими после гражданской войны в России в Европу и нашедшими потом пристанище во Франции, Германии, Югославии, Чехословакии. С момента образования НТС занял резко антисоветскую позицию и посвятил свою деятельность борьбе с советской властью в СССР. В Великую Отечественную войну агенты НТС появлялись на оккупированных немцами территориях Советского Союза и формировали подпольные группы сопротивления для последующей борьбы с властью коммунистов. После войны НТС сотрудничал с английской разведкой СИС, потом его подобрало американское ЦРУ. Один из руководителей НТС профессор В. Д. Поремский в начале 50-х годов разработал так называемую «молекулярную» теорию для подрывной работы. Сначала он ставит вопрос: что невозможно в тоталитарных условиях? Невозможна разветвленная организационная структура с ее разделением функций, системой подчинения и связей для борьбы с режимом. Но, может быть, структура организации и не столь важна, когда есть единство идей и действий? Если эффективность организации, рассуждает Поремский, равна произведению трех факторов – структуры, единства идей и единства действий, – то такую же эффективность можно получить, уменьшив первый фактор и увеличив последние два. И в этом суть тайной организации «молекулярного» типа. Она становится неуязвимой из-за сведения к минимуму структуры внутри страны-противника. Ведь любая «организация» всегда вызывает интерес органов безопасности. А когда ее нет, когда существует лишь некий центр за пределами страны, который направляет «молекулам» – жителям этой страны безадресную информацию, чтобы усилить единство их взглядов и индивидуальных действий, то сопротивление режиму становится невидимым. При определенных условиях создается единство взглядов, настроений «сопротивленцев», этих людей-«молекул», что способны в час «X» поднять массы. Сами же люди-«молекулы» сигнализируют другим «молекулам» о своем существовании безадресно: распространяя листовки, подпольную литературу, рисуя символы, делая надписи в публичных местах. Единство действий, в свою очередь, предусматривает, по мнению Поремского, самообразование, общение в группах из двух – четырех человек («кухонные разговоры»), продвижение на выгодные в будущем позиции. По мере роста числа «молекул» самые активные из них перестают лишь пассивно принимать

безадресные сообщения от зарубежного центра, а вступают с ним в конспиративную обратную связь, создавая «каркас» организации. Насыщение страны-противника «молекулами», делает вывод Поремский, изменяет психологический климат в обществе, вселяет веру в собственные силы, подтачивает могущество коммунистической власти и, главное, создает условия, при которых взрывные ситуации станут возможными даже при небольших выступлениях, забастовках, демонстрациях, митингах. Теория Поремского приглянулась и американцам. Но главное – она открыла новое дыхание для НТС, мобилизованного на подрывную войну в СССР.

Бобкову пришлось осваивать новую сферу контрразведки и искать технологии и приемы работы в ней. Когда с помощью радио «Свобода» и приезжих эмиссаров НТС делались попытки создания подпольных групп, которые должны были вести антисоветскую деятельность, то контрразведка стремилась выявлять эти группы уже на стадии зарождения или в начале их активности. В середине 60-х годов в Москве, Ленинграде, в некоторых республиках СССР было выявлено несколько десятков таких антисоветских и националистических групп. По крайней мере, развернуться таким группам, превратиться в «очаги сопротивления» на территории СССР контрразведка не дала.

Но дело группы Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой оказалось «шумным». Группа готовилась издавать газету «Посев», представляя себя ее московским отделением. «Посев» – это было издание НТС, нацеленное на борьбу с коммунистическим режимом в СССР. И вот теперь группа Гинзбурга превращалась в московский форпост НТС со своей газетой, программой, активистами, в соответствии с «молекулярной» теорией Поремского. Дело этой группы показало, насколько противоречива была позиция партии в отношении антисоветской деятельности, предъявленной мировому общественному мнению, в отношении КГБ, вскрывшего эту деятельность. Вот что рассказывал в связи с этим Бобков.

«Процесс был громким – весь мир оказался вовлеченным, а нашим властям хотелось и влияние сохранить, и уйти от того негатива, который стал серьезно сказываться на обстановке в государстве. Ситуация дошла до того, что в отделе информации ЦК КПСС родилась идея обвинить КГБ в фальсификации дела. В первый день судебного процесса Ю. В. Андропов (к этому времени он уже был шесть месяцев на посту председателя КГБ) позвонил мне с вопросом: „Есть ли среди обвиняемых агенты КГБ?“. Отрицательный ответ не успокоил, к вечеру меня вызвал его первый заместитель Цвигун и в присутствии начальника секретариата Крючкова стал буквально настаивать на том, что дело создано руками агентуры. То ли очень хотелось выявить провокацию предшественников (дело возникло при Семичастном – председателе КГБ до Андропова), то ли страх одолевал (можно ли возразить против глупости, рожденной в самом ЦК КПСС?). Должен сказать, что Андропов, в отличие от Цвигуна, не побоялся отстоять истину, не отошел в сторону. Дело Гинзбурга с доказательной стороны не вызвало вопросов у суда».

В 50-е годы контрразведка КГБ столкнулась еще с одной сферой, которую ей пришлось тоже осваивать. Это публичные волнения на политической или национальной почве. Первое такое волнение случилось в марте 1956 года в Тбилиси. Уже три года в городе существовала своего рода традиция: 5 марта, в день смерти Сталина, люди шли с цветами и венками к его памятнику, который был поставлен еще при его жизни в парке на берегу реки Куры. Но в феврале 1956 года состоялся XX съезд партии, на котором ее первый секретарь Никита Хрущев выступил с докладом, осуждающим культ личности Сталина. В Тбилиси готовились к очередному возложению цветов и венков, но тут пришла весть о докладе Хрущева. Так как доклад нигде не публиковался, то весть эта пришла в виде слухов, будто съезд в Москве оскорбил личность Сталина. При этом ЦК партии Грузии распорядился не делать и не продавать венки для возложения к монументу Сталину. Это еще больше подогрело страсти и приумножило и без того немаленькие ряды защитников вождя. Прежде всего, возмутилась

студенческая молодежь. Но никто не знал, как успокоить студентов. Власть вообще не знала, как вести себя в ситуации, когда отмечать очередную годовщину смерти Сталина нельзя, а сказать, почему нельзя, – никто не может. 5 марта на берегах Куры собрались сотни тысяч людей. Образовался стихийный митинг, звучали призывы к непослушанию Москве, кто-то выступал против Хрущева, кто-то призывал к независимости Грузии. Начались беспорядки. Обстановка потребовала объявления осадного положения в городе и ввода войск.

Глава КГБ СССР И. Серов для наведения порядка в столице Грузии направил туда группу сотрудников КГБ. Это была достаточно представительная команда – заместители начальников двух ведущих управлений, с ними – опытные профессиональные работники. В этой группе был и Бобков. Вот как они действовали, по словам Ф. Д. Бобкова:

«Приехав в Тбилиси, мы начали с того, что попытались разобраться в том, что происходит и почему, а главное – понять, что делать. Трудность, опять-таки, была в том, что даже мы – представительная, опытная, профессиональная команда КГБ – не знали настоящего содержания доклада Хрущева. Даже нас с докладом никто не ознакомил. Аргументировать призывы, просьбы, требования прекратить стихийную волну протестов приходилось чисто интуитивно, ориентируясь только на свое представление и понимание происшедшего на съезде. Это было непросто. До сих пор в памяти разговор с Маквалой Окроридзе, редактором газеты „Сталинское племя“, издававшейся в Гори, родном городе Сталина. Она активно выступала на митингах, призывала к защите имени Сталина и непризнанию доклада Хрущева. Она пользовалась большим авторитетом и поддержкой митингующих в Гори и Тбилиси. Она, конечно, могла бы помочь нам успокоить людей, если бы мы могли убедить ее в необходимости сделать это. А пока ее позиция и мотивы выступлений были такие: „Я родилась в Гори. Наш дом рядом с домом Сталина. Я окончила школу имени Сталина, университет имени Сталина. Была пять лет сталинской стипендиаткой. Писала дипломную работу о трудах Сталина. Издаю газету «Сталинское племя». Как я могу выступать против Иосифа Виссарионовича?“. Аргумент у меня был всего один: „Не могу оценивать вашу биографию и даже осуждать сегодняшнее поведение. Но если мы пойдем против партии, которую воспитал Сталин, а такое станет возможным, если не успокоить людей, то не будет ли это антисталинским шагом?“. Путано, но что еще можно было сказать в такой ситуации? Убедить Маквалу в конце концов удалось, и она много сделала для недопущения протестных настроений против доклада Хрущева. Но ведь эта женщина была только одной из тех, кто звал людей к митингам в защиту имени Сталина, не зная при том доподлинно, в чем его обвинили на съезде. Аргументы для успокоения людей приходилось выбирать индивидуальные в каждом конкретном случае. Они не повторялись при встречах с офицерами национальной грузинской дивизии в Кутаиси, с рабочими и инженерами на авиазаводе в Рустави, в беседах со студентами университета и других вузов».

Потом пришлось разбираться с задержанными на улицах Тбилиси в ночь на 6 марта, когда вводилось осадное положение. Таких оказалось более четырехсот человек. Расследование показало, что обоснованно были задержаны только 26 человек – это были активисты, призывавшие к антиобщественным акциям, к массовым беспорядкам. Остальных освободили. И это сразу изменило настроения и обстановку в городе. Местным газетам посоветовали публиковать портреты Сталина со словами, посвященными годовщине его похорон. Порядок восстанавливался. И здесь интересная подробность, которую отмечает Бобков: удалось даже уговорить руководителей ЦК Компартии Грузии выйти на площадь к митингующей толпе. Их встретили без восторга, но спокойно.

Явно обозначилась тенденция к затуханию конфликта. Но особенность публичных волнений в том, что они заканчиваются лишь после прохождения кризисной точки. Как правило, кризис вспыхивает, когда появляются провокаторы. Вот и в тбилисских событиях произошло то же самое. 9 марта на митинге, уже в значительной степени успокоенном, появи-

лась группа экстремистов, возглавляемая неким выходцем из города Сталинири (ныне город Цхинвали). Они стали призывать толпу к захвату Дома связи, чтобы по радио обратиться к мировым державам и призвать их к поддержке митингующих в Тбилиси. Многотысячная толпа, ведомая провокаторами, осадила Дом связи, но передние ряды не решались прорвать цепь солдат, охраняющих этот объект. И тогда раздался выстрел. Стрелял главарь этих провокаторов. Настроение толпы моментально изменилось, и она бросилась на штурм. Остервеневшие люди ворвались в Дом связи. Дальше первого этажа они пробиться не могли, но на первом этаже случился настоящий бой. Нападение на солдат закончилось тем, что один из них был вынужден стрелять. От этой автоматной очереди погиб 21 человек. Так трагически закончились публичные волнения в Тбилиси. На следующий день все митинги прекратились, и город окончательно пришел в себя после угара антиправительственных выступлений.

Какие тогда выводы сделал Бобков как контрразведчик после этих событий в Тбилиси?

Во-первых, массовые волнения «запускаются» благодаря слухам, неполной искаженной информации. Чтобы предотвратить такие волнения, нужно смело выходить к людям и говорить им полную правду о сложившейся ситуации, не утаивая ничего. И говорить такую правду должны прежде всего партийные лидеры.

Во-вторых, если волнения не удается остановить, то необходимо определить активистов стихийных выступлений, в полемике с ними убедить их в неконструктивности их позиции и с их помощью успокоить массу.

В-третьих, оперативным путем нужно выявлять потенциальных и действующих провокаторов, экстремистов, провоцирующих толпу на незаконные действия, и изолировать их.

В-четвертых, все действия по прекращению массовых волнений должны параллельно сопровождаться мощным «прессингом» СМИ, в которых объективно и честно излагать и комментировать события и поступки людей.

Для того чтобы находить верные решения и действовать в той обстановке конца 50-х – начала 60-х годов, Бобков (к тому времени он уже был заместителем начальника Главного управления контрразведки) придерживался определенной политической истории, которая была результатом его личных размышлений по поводу текущих событий. Конечно, это не была официально или ведомственно оформленная политическая история, а была история, которая складывалась из его личных наблюдений и оценок тех процессов, что шли в стране, оценок после чтения Маркса и Ленина, иногда после доверительных обсуждений с коллегами. Но эта «своя» история помогала ориентироваться, была полезна и необходима для действий в той обстановке.

Вот пример такой истории.

«Именно на период хрущевского правления приходится самая интенсивная фаза холодной войны. Активность холодной войны при Хрущеве объяснима тремя причинами. Во-первых, неожиданность удара по сталинскому времени привела к растерянности внутри самого СССР, к началу расслоения советского общества. Во-вторых, непродуманность концепции развития страны привела к шараханью даже в таком вопросе, как дальнейшие оценки Сталина (то он злодей, то „мы его в обиду не дадим“). В-третьих, оказались несостоятельными все попытки Хрущева наладить экономику – период его пребывания у власти сопровождался непоследовательными, подчас взаимоисключающими решениями. Многие люди во власти начали жить своей жизнью, меньше заботиться о народе. Возникла и нарастала теневая экономика. Ей способствовала ликвидация артельного труда, промысловой кооперации; ликвидация частного скота, приусадебных участков у тружеников села, линия на перевод колхозов в совхозы.

Потому иностранные разведки легко находят в СССР недовольных, обиженных людей, способных сознательно, а зачастую по недомыслию сотрудничать с центрами психологической войны.

Хрущев укреплял власть, прежде всего, усилением влияния партийного аппарата не только на политическую и государственную жизнь страны, но и на хозяйственно-экономическую деятельность. Хрущев укрепил отраслевые отделы Центрального комитета КПСС (сельскохозяйственный, тяжелой, легкой, оборонной промышленности, отделы финансов, здравоохранения и другие), но они дублировали Госплан и соответствующие отделы Совета министров, подменяли их. При этом с них не снималась ответственность за результаты текущей работы. Произошла подмена советской власти властью партийной. Советы отодвигались все дальше и дальше от управления, особенно в регионах.

После XX съезда коммунистической партии, на котором Хрущевым был осужден культ личности Сталина, в рядах самой партии не было никакого понимания событий. Часть коммунистов сказали бы „да“ кому угодно. Они и подчинились Хрущеву в силу партийной дисциплины. Это честные люди, но инертные и послушные, неспособные к действиям, к выражению собственного мнения. Вторая часть была против, но делала это молчаливо, ушла в глухую оборону. Но появилась и третья часть, коммунисты, которые не только пошли с Хрущевым, но и забежали вперед: они рьяно требовали идти дальше по пути разоблачений, выражая недоверие членам Политбюро, которые работали когда-то со Сталиным и оставались и теперь в его составе. Это было, как выяснилось, испытание, к которому никто не был готов. Хрущев принимал решения одно импульсивнее другого, что свидетельствовало о его глубочайшей растерянности. Ему хотелось дозированных разоблачений, в Президиуме ЦК еще оставались Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов... И начались внутрипартийные репрессии. Неуверенность и растерянность Хрущева стоила партийных билетов генералу Григоренко и физику Орлову. Оба встали впоследствии во главе группы диссидентов.

Новый взрыв культа Сталина произошел на XXI съезде, который был почти весь посвящен этой теме. Уже появлялись значимые произведения советских писателей на эту тему. Но снова складывалась двойственная ситуация: власти, развязывая критику Сталина, призывали убрать практически все, что связано с именем вчерашнего вождя, но к выступлениям общества на ту же тему относились осторожно. Здесь таилась причина копившегося недовольства, прежде всего в среде репрессированных и их близких. Кроме них структурировался слой интеллигенции и молодежи, которые стремились утвердить себя на новой идеологической основе. Кто-то шел по этому пути искренне, кто-то делал карьеру, завоевывал популярность. Здесь и черпали для себя ресурсы западные спецслужбы: первым диссидентам давали трибуну радио „Свобода“, печатные издания НТС и другие антисоветские центры. Хрущев же тем временем, с одной стороны, публично рассказывал о своих встречах с сыновьями репрессированных военачальников, выражал сочувствие их судьбам, поддерживал репрессированных, а позже амнистированных членов партии, а с другой – громил художественную выставку в Манеже и топал ногами на поэта Андрея Вознесенского.

Хрущев, может быть, сам того и не замечая, а может быть, и замечая, порождает ситуацию, которая создавала благоприятные условия западным эмиссарам спецслужб для рекрутирования недовольных. Эти эмиссары брали „гонимых“ под свое „крыло“, а значит, под свое влияние».

Такие политические истории в уме для «внутреннего» пользования стали частью профессиональной технологии политического контрразведчика, и с течением времени они предстают как личный исторический и политический документ.

Американский вызов: появление Пятого управления

Американский вызов, сотворенный политиками и учеными

Пружина холодной войны, взведенная после фултонской речи Черчилля, закручивалась с годами все сильнее. Это видно по тем директивам, которые принимал Совет национальной безопасности США, и тем программам, которые разрабатывало и осуществляло ЦРУ.

В сентябре 1949 года в американском Совете национальной безопасности родилась директива СНБ-58. Президент США Г. Трумэн утвердил ее как руководство к действию. Изложенные в ней политические цели и технологии не устарели до последних лет существования СССР и стран – его союзников. Вот некоторые фрагменты из этой директивы:

«Наша конечная цель, конечно, появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся взаимодействовать и найти свое место в свободном мире. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвижению этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс – содействовать еретическому процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией...

Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость, и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель – создание нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах» [1].

В этой директиве впервые обрела право на жизнь идея, в соответствии с которой тайные операции приравнивались к боевым планам.

В 1950 году в США появилась новая директива по поводу тайных операций – СНБ-68. Ее текст отражает явный прогресс в мыслях и устремлениях создателей:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах. (...)

Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война – это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира... Выполнение этой программы потребует от нас всех наход-

чивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью проблемы, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач» [2].

Эти директивы давали политическое обоснование для проведения тайных операций, которые должны были привести к расколу социалистического мира и впоследствии к разрушению Советского Союза.

Но интеллектуальная и эмоциональная насыщенность этих директив (чего стоит одно выражение «выполнение программы потребует от нас находчивости, жертвенности и единства») выдавала их творца, коим был небезызвестный нам Джордж Кеннан. Тот, который провозгласил в мае 1948 года организованную политическую войну против Советского Союза и настаивал на создании новой тайной службы. Выпускник Принстонского университета, он работал в СССР в 1934–1938 годах в ранге первого секретаря посольства США, потом в 1945–1946 годах в качестве советника посольства, а в 1952 году четыре месяца служил послом США. Его проблема была в том, что, находясь более пяти лет в СССР, он так и не понял ни страну, ни людей, ни власть. Но он оказался автором внешнеполитической доктрины «сдерживания», изложенной им в так называемой «длинной телеграмме» из Москвы в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 года). В ней он предлагал правительству США жестко выступить против советской экспансии в Восточной Европе. В июле 1947 года, в журнале «Форин афферс» появилась его статья «Истоки советского поведения», в которой излагалась стратегия сдерживания, основы которой были намечены в той «длинной телеграмме». Эта стратегия, предложенная им, оказала огромное влияние на выработку директив Совета национальной безопасности США, на идею организованной политической войны против СССР, стала основой таких политических инициатив, как план Маршалла и создание НАТО.

Если Дж. Кеннан был первым, кто дал теоретическое обоснование директивам холодной войны, то дальнейшие теоретические разработки исходили от ученых-гуманитариев. Эти мудрые профессора руководствовались осознанной ими истиной. В изменении мира, в противостоянии с государствами, имеющими иной социальный строй, лучше себя чувствует тот, кто лучше создает смыслы и управляет образами на их основе. Здесь, несомненно, начиная с послевоенных лет в лидеры выходили США. Если говорить о смыслах, оказавших влияние на мир начиная с середины XX века, стоит назвать концепции холодной войны, «народного» капитализма, государства всеобщего благоденствия, неолиберализма и неоконсерватизма, глобализации, распространения демократии и теории революций.

Над ними трудились американские университеты, научные центры и исследовательские лаборатории, возглавляемые яркими умами. Они создали Америке славу ведущей интеллектуальной лаборатории мира. Поэтому в американские университеты стремились попасть много способных интеллектуалов из разных стран. Большинство из них после учебы продолжали «служить» в этих университетах. Все это позволило создать конкуренцию ведущих научных школ, замешанную, по словам профессора социологии Р. Коллинза, на интерактивных ритуалах, энтузиазме и эмоциональной энергии.

Во многом благодаря такой конкуренции и рождались идеи и смыслы для развития Америки, в том числе и для холодной войны. Причем рождались как ответ на вызовы, риски, угрозы для американского общества как внутри США, так и за пределами страны. А если исследования или разработки рассматривались как ответ на вызов, волнующий общество, элиту, бизнес, то государство и бизнес финансировали их. Самые глубокие, многообещающие смыслы, принятые американским интеллектуальным сообществом, превращались в инструмент глобальной экспансии, глобального манипулирования людьми.

На эти смыслы ориентировались люди, работающие в Государственном департаменте США и ЦРУ. Ориентировались, либо принимая их, либо отвергая.

Дальше речь пойдет о научных концепциях, что послужили основой для политических документов и операций холодной войны. Но знакомство с ними позволяет понять, как ученые, разработками которых пользовались в Госдепартаменте и ЦРУ, делали холодную войну.

В 60-е – начале 70-х годов XX века Америку захлестнули левые идеи, за которыми стояли неомарксисты – Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер. Их идеи в то время стимулировали массовые выступления молодежи в Европе и в США. Но более всего эти идеи затронули общественные науки, культуру и образование. И тогда против них объединились другие интеллектуалы, тоже, кстати, приехавшие из Европы. Они-то и породили новую теорию: неоконсерватизм. Идейным и теоретическим вдохновителем «неоконсервативных» интеллектуалов был Лео Штраус. Он бежал из нацистской Германии осенью 1938 года, когда стало ясно, что в этой стране для евреев нет будущего, их ждут жуткие времена. Его новой родиной стали США, где он продолжил занятия философией в Чикагском университете. Скоро у него появились ученики, которые разделяли его идеи и которые потом нашли себя в науке, политике, Госдепартаменте и в ЦРУ. Какими же идеями заразил Штраус своих учеников?

Штраус считал, что необходимо бороться с моральной толерантностью, которой пронизаны теоретические изыскания левых интеллектуалов. Их либерализм запятнал себя тем, что признавал равными все точки зрения, что совершенно не годится для политиков, ведущих борьбу.

По мнению Штрауса, точка зрения политического философа должна быть основана на твердых моральных принципах: благородное (то есть добро) есть благородное, а низкое (то есть зло) есть низкое, свобода есть свобода, а тирания есть тирания, истина есть истина, а демократия есть демократия. Он добавлял при этом: невозможно прояснить характер демократии как таковой без четкого понимания ее альтернатив, так же как невозможно понимать мораль без понимания аморальности. И поэтому следует противостоять упрекам левых интеллектуалов, считающих, что в познании подход с позиции твердых моральных принципов не диалектичен, не демократичен, не способствует развитию мысли. Невозможно изучать социальные феномены, «не вынося при этом ценностных суждений», – утверждал Штраус [3].

Но мало придерживаться только морального принципа разделения добра и зла, свободы и тирании. Нужно теоретически обосновать необходимость борьбы добра со злом, борьбы за свободу против тирании. Добро должно уметь защищаться и нападать. О том же еще в 1925 году говорил русский философ И. А. Ильин, когда выдвинул тезис о «сопротивлении злу силою». Правда, спустя годы Ильин искал поддержку у гитлеровской Германии, а Штраус – у США. И вот здесь начинается самое интересное.

Исходя из морального принципа борьбы добра со злом, Штраус предлагает такие понятия, как «хороший гражданин» и «достойный человек». Их различие в том, что «хороший гражданин» связан с режимом, а «достойный человек» такой связи не имеет. Но только в случае наилучшего режима понятия «достойный человек» и «хороший гражданин» тождественны [4]. И это, конечно, режим, сложившийся в США. На языке классической метафизики, – отмечает Штраус, – родина или нация есть материя, тогда как строй – форма, которая по своему достоинству выше материи. «Можно назвать этот взгляд „идеализмом“. Практическое значение этого идеализма заключено в том, что... наилучший строй важнее, чем родина» [5].

Этот вывод («наилучший строй важнее, чем родина»), известный уже в начале холодной войны, до сих пор является предметом сражений в коммуникационных мировоззренческих войнах. Этим выводом руководствовалось и ЦРУ, работая с советскими диссидентами.

Развивая свою теорию, Штраус проводил параллели между коммунизмом и нацизмом, представляя их как зло абсолютное. Поэтому борьба с этим злом должна быть радикальной. А если представить США в качестве субъекта абсолютного добра, борющегося с мировым

злом (а его можно найти всегда), то это становится философией развития страны. А сама ситуация противостояния добра и зла превращается государством в социальные практики. Такой научный взгляд был очень привлекателен для стратегов холодной войны.

Философия абсолютного добра Лео Штрауса удивительным образом соответствовала его внутреннему этическому настрою, в котором не последнюю роль играло самомнение. Не зря он так ценил тех древних философов, которые придерживались той точки зрения, что «немытые массы не достойны ни истины, ни свободы».

Американский президент Рональд Рейган превратил философию Штрауса в политический и пропагандистски-идеологический проект. Выступая в марте 1983 года в Орlando (штат Флорида) перед национальным обществом евангелистов, он назвал Советский Союз «империей зла». Как бывший актер, снимавшийся в боевиках, он понимал толк в таких образах. Для США это был достаточно жесткий образ, предполагающий мобилизацию сил «добра» для откровенной политической, экономической, идеологической борьбы с носителем «зла» – страной, именуемой СССР.

Художественность образа СССР как «империи зла», пришедшая от Рейгана, подтолкнула американскую научную элиту к созданию политической теории глобализации, вытекающей из философии Штрауса. В основе этой теории – идея глобальной демократии, которая должна мотивировать миссионерскую деятельность США.

По большей части научная элита США рассматривала глобальную демократию как абсолютную ценность, которая необходима всему миру. А раз эта ценность мировая, то и защищать ее должно глобальное государство.

Но уж очень близок образ «глобального государства» образу «братской ассоциации англоязычных народов, противостоящей тирании», который сформулировал бывший премьер Великобритании У. Черчилль в своей фултонской речи 1946 года, положившей начало холодной войне между СССР и странами Запада. Согласно этим определениям, роль глобального государства должны играть США, претендующие на глобальное лидерство. Поэтому США обязаны взять на себя ответственность за защиту мировой демократии. Под влиянием интеллектуалов так считает значительная часть американского истеблишмента. В понимании американской элиты эта защита должна сводиться к экспорту демократии в те страны, где ее нет или где она находится под угрозой либо не соответствует глобальным, а по сути – американским стандартам.

Союзником философии Штрауса в проектах американского лидерства для изменения мира начиная с 60-х годов прошлого века выступает историческая социология со своими концепциями социальных революций, которые с тех пор активно разрабатывались в американских и британских университетах.

Со времен холодной войны в западной макросоциологии, занимающейся исследованиями революционных процессов, сложились два подхода: гносеологический (познавательный) и прагматический. Оба подхода обосновывают систему действий для революционного или контрреволюционного проектов.

Гносеологи (Д. Голдстоун, Ч. Тилли, Т. Скочпол) объясняют причину революций развалом государства, которое не способно справиться с бюджетным кризисом и расколом во власти.

Прагматики, представленные такими научными авторитетами, как С. Хантингтон, Э. Геллнер, Ф. Фукуяма, оказались для стратегов холодной войны интереснее.

Возьмем С. Хантингтона. В 60-е годы XX века он опубликовал работу о политическом порядке в меняющихся обществах. В ней он обосновал алгоритм возникновения революций. Потом, когда Америка вела войну во Вьетнаме, он сумел свою научную концепцию превратить в систему действий, нужных для Пентагона – американского министерства обороны. Как пишет профессор Нью-Йоркского университета Г. Дерлугьян, Хантингтона не зря про-

звали «Карлом Марксом для Пентагона» – он выезжал во Вьетнам консультировать американское командование по стратегии борьбы с партизанами, а бунтующие студенты тем временем пикетировали его кабинет в Гарварде [6].

«Революционный» алгоритм С. Хантингтона основывался на пирамиде стрессов, которым было подвержено общество в переходный период модернизации. Причинами этих стрессов являлось крушение традиционных устоев жизни, хозяйственных укладов, социальных авторитетов, религиозной веры, а также массовое движение населения из деревень в беспорядочно растущие города. Переходное состояние модернизации – самое неустойчивое, оно и порождает революции. Как их остановить?

Хантингтон рекомендовал в переходный период модернизации вводить жесткую диктатуру, способную нейтрализовать сбои в модернизации. Поэтому, как пишет критик его теории, Вашингтону рекомендовалось относиться прагматично-реалистически к своему вынужденному покровительству военным и авторитарным правителям в Третьем мире, вполне по восхищенно-циничной формуле президента Ф. Рузвельта, высказанной по ходу доклада о деяниях никарагуанского диктатора Сомосы: «Совершеннейший сукин сын, но наш сукин сын!» [7].

Контрреволюционная теория Хантингтона, по мнению критика, была мощно аргументированной схемой, в которой присутствовали как анализ структурных условий, взятых в исторической динамике, так и функциональное указание на роль элит и политических режимов, на источники массового недовольства, на влияние мировой геополитики и идеологической конфронтации времен холодной войны. Схеме Хантингтона отвечал военный переворот в Чили в 1973 году, когда военные, предводимые генералом А. Пиночетом, убили избранного народом президента страны С. Альенде и при поддержке ЦРУ установили диктаторский режим в стране.

Еще более сильную концепцию для практики холодной войны и революций предложил британский макросоциолог Э. Геллнер. Его книга «Нации и национализм», вышедшая на Западе в 1983 году, поразила ученый мир, вызвала возбуждение среди политиков и стала руководством к действию для организаторов тайных операций и политических проектов на годы вперед.

Э. Геллнер рассматривал нацию не как общность людей на основе единого языка и культуры, общей территории и экономической деятельности, а как сконструированный массовый политический проект. И, согласно этому проекту, «именно национализм порождает нации, а не наоборот», «нации делает человек; нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей» [8].

Как считал Э. Геллнер, два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура, которая, в свою очередь, понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения. Культуры, которые национализм требует защищать и возрождать, часто являются его собственным вымыслом или изменены до неузнаваемости. Культурные лоскутки и заплатки, используемые национализмом, часто являются произвольными историческими изобретениями [9].

«Вымышленная» культура, исторические изобретения для национализма поддерживаются повсеместным распространением «опосредованного школой, академически выверенного, кодифицированного языка, необходимого для достаточно четкого функционирования бюрократической и технологической коммуникативной системы», распространением символики, стилизованной национализмом под народную культуру [10].

Концепцию Э. Геллнера использовали социальные технологи, которые выстроили систему действий в отношении Югославии в 1991–2008 годах. В этот период Социалистическая Федеративная Республика Югославия распалась на шесть независимых стран и одно частично признанное государство. В этом процессе активную роль играли сербские наци-

оналисты, с которыми работали западные политологические центры, связанные с ЦРУ. Их стратегия сводилась к стимулированию национализма в Югославии в соответствии с выводом Э. Геллнера: национализм – прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать [11].

В начале 2000-х годов США, в соответствии со своими геополитическими соображениями, выбрали Украину, чтобы превратить ее в игрока первой линии в своей борьбе за глобальное лидерство на восточном направлении, где сходятся интересы Европы и России. В этой геополитической игре Украина, по замыслу американцев, должна была создать свою новую нацию. И тем самым выйти из культуры российской цивилизации, которая объединяла людей различных этносов – русских, украинцев, белорусов, казахов и других, проживавших на территории СССР и именуемых в свое время советским народом, ядро которого составляли русские, благодаря своей многочисленности и притягательной силе своей культуры.

Согласно Э. Геллнеру, не нации порождают национализм, а национализм порождает нации. Когда эта идея овладела умами геополитических стратегов, тогда в одном из американских научных центров политический проект национализма для Украины обрел ведущую идею – «украинство». Под эту идею на американские гранты украинские обществоведы обосновывали ведущую роль украинского этноса в рождении древнерусского государства, а потом и самостоятельную историю украинцев. Идея украинства закладывалась в новые учебники истории для школ и университетов. Вожди политических партий, учителя, организаторы массовых коммуникаций, национальной культуры, публичных ритуалов, организаторы поиска и канонизации национальных героев, коими оказались радикалы-бандеровцы, – все работали на идею украинского национализма, тоталитарность которого формировала новую, украинскую нацию. Вся эта открытая и скрытая деятельность поддерживалась различными американскими институтами и фондами, среди которых ведущая роль принадлежала институтам республиканской и демократической партий США.

Но, возможно, придет то время, когда ЦРУ поставит вопрос перед профессорами-геополитиками: чья нация наиболее жизнеспособна? Нация, порожденная национализмом, как образование скорее искусственное и недолговечное, или нация, порожденная культурой, которая предстает как накопленная в веках сила человеческого духа?

В 1996 году, через 20 лет после своей революционной работы об алгоритмах революции, С. Хантингтон предложил научному сообществу и политической элите свой фундаментальный труд под названием «Столкновение цивилизаций», который сделался настольной книгой политологов. Это случилось в том числе благодаря его идее о том, что имеющиеся в мире цивилизации придется вводить в требуемый цивилизационный образ западной цивилизации. Но на рубеже XX и XXI веков провокационный прогноз столкновения цивилизаций, предложенный С. Хантингтоном, не был востребован практикующими политиками и деятелями из Госдепартамента США. Время этого прогноза придет чуть позже. А тогда понадобился Ф. Фукуяма с его эссе, а потом и книгой «Конец истории и последний человек», вышедшими соответственно в 1989 и в 1992 годах. Его работа привлекла либеральным подходом к распространению демократии и попыткой убедить, что цивилизационный образ Запада стал определяющим для современного мира. Но особенная ценность ее была в том, что борьбу за демократию он рассматривал как борьбу за признание человеческого достоинства. По Гегелю, борьба за признание есть главная движущая сила истории. Когда Ф. Фукуяма отождествил стремление к признанию человеческого достоинства с духовностью, с самооценностью и свободой человека, он тем самым предложил лозунг будущих революций, который скоро прибрали к рукам «разработчики» «цветных» революций. Под сенью такого лозунга эти «разработчики» готовы были биться за геополитические интересы США.

Несомненно то, что путь к практике глобальной демократии, к практике приобщения разных стран к цивилизационному образу по западному варианту был проложен американскими профессорами. Главными идеологами этой практики стали Самюэль Хантингтон с его книгой «Столкновение цивилизаций», Фрэнсис Фукуяма с его произведением «Конец истории и последний человек» и Збигнев Бжезинский с самой известной его книгой «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы», где представлена доктрина глобального лидерства. Они – ведущие умы в деле утверждения глобальной демократии в мире. За ними тянутся Марк Палмер, известный своим сочинением «Сломать ось зла. Как к 2025 году устранить от власти последних диктаторов», и Джозеф Най, написавший книгу «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» – об использовании привлекательности американской культуры для распространения демократии в мире.

Глобальное лидерство США определяет процесс глобализации мира. А он включает в себя и экспорт демократии, и господство транснациональных корпораций, большая часть которых – американские; и действия, связанные с лишением стран их самодостаточности путем превращения их в страны одного продукта. Все это так или иначе связано с глобальным лидерством «глобального государства», которое придерживается того принципа философии Штрауса, который гласит, что наилучший строй важнее, чем родина. Если наилучший строй – это максимальная включенность страны в глобализацию, то это важнее родины. Такой строй порождает «достойного человека», по определению Штрауса, для которого действительно лучший строй был в США, куда он бежал от гитлеровского режима, утвердившегося в 30-е годы на его родине – в Германии.

Именно глобализация по такой модели лишает страны и их народы экономической, политической, культурной и ценностной идентичности, «растворяет» эти страны в глобализованном мире. При этом главный менеджер этих глобальных процессов – США – остается и самодостаточным, и сохраняющим, и наращивающим свою идентичность.

С появлением в США философской доктрины Штрауса, которую высоко подняли интеллектуалы его школы, на ключевых постах в экономике, науке, юстиции, в массовых коммуникациях, системе государственного управления, в ЦРУ, АНБ, ФБР стали появляться приверженцы этой доктрины.

Исследователь философии Штрауса профессор Е. М. Дроне вскрыл механизм концентрации его учеников во власти и тем самым изменения власти: «есть несколько кругов учеников... своим же ближайшим ученикам передаем тонкости учения вне текста, в устной традиции, совсем почти тайно. <...> Воспитываем несколько выпусков, все посвященные составляют как бы секту, помогают друг другу с карьерой, делая ее сами, держат в курсе учителя. <...> Через несколько десятков лет „наши“ без единого выстрела берут власть в самой сильной стране мира».

Действительно, начиная с конца 60-х годов в американской власти появлялось все больше интеллектуалов школы Штрауса – в Государственном департаменте, в экономических и финансовых ведомствах, в Центральном разведывательном управлении. Не без их участия ЦРУ и другие разведслужбы все больше отдавали предпочтение оперативной деятельности, нежели аналитической. ЦРУ возвращалось к методам, с помощью которых в 40–50-е годы осуществлялась смена политических режимов в некоторых странах Европы, Ближнего Востока, Азии, Латинской Америки. Сторонники мировоззрения Штрауса действовали, руководствуясь не только политическими установками, но прежде нравственно-религиозными принципами его философии. И оппонентам было трудно им противостоять.

К. Райс (в 2000–2009 годах помощник президента США по национальной безопасности, госсекретарь США), одна из самых верных почитателей философии Штрауса, говорила: «Во внешней политике давно идет спор между так называемой „школой реализма“ и „школой идеализма“. Упрощенно – реалисты принижают важность моральных ценностей, под-

черкивая соотношение сил как основу стабильности и мира. Идеалисты подчеркивают примат моральных ценностей и характер общественных формаций как критически важные для отношений государства с другими странами. Возможно, этот вопрос мог бы быть интересен в академических дебатах, но в реальной жизни могущество и моральные ценности нераздельно связаны между собой. Великие державы способны оказывать влияние на жизнь миллионов людей и изменять ход истории. И моральные ценности великих держав имеют значение. Если бы Советский Союз выиграл холодную войну, сегодняшний мир был бы иным... Американский идеализм – вот проблема мира... без этого самого американского идеализма не было бы ни освобожденного Ирака, ни объединенной Германии, ни свободной России. Идеализма и людей с горячими сердцами, мечтавших о свободе...» [12].

Таким «идеалистом с горячим сердцем» в своих научных изысканиях и в политической практике был Збигнев Бжезинский, профессор Гарвардского университета, потом глава центра по исследованию проблем коммунизма при Колумбийском университете и советник американских президентов.

В 1961 году у него выходит книга «Советский блок: единство и конфликт», в которой он делает вывод, что в странах социализма началась «идеологическая эрозия», что советский блок разрушается, что вполне вероятен распад Советского Союза, и тогда на его бывшем пространстве появятся независимые национальные государства. Причем этот вывод он делает на основе диалектического, марксистского метода анализа. Но процесс распада советского блока можно и ускорить, если предпринимать определенные действия, – считает он. Для этого нужно утвердить лидерство США в этом мире. Теме американского глобального лидерства посвящены его главные научные работы: «Политические системы – США и СССР: сходство и различие, конвергенция или эволюция» (написана вместе с С. Хантингтоном) (1964); «Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники» (1971); «План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» (1985); «Рождение и смерть коммунизма в XX веке» (1988); «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» (1997); «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (2003).

Когда еще в начале 60-х годов он выдвинул тезис о том, что определенными действиями можно ускорить падение СССР, он имел в виду, прежде всего, идею прав человека, превращенную в оружие политической войны. В 1977 году он стал советником по национальной безопасности в администрации президента Дж. Картера, что открыло ему возможности для реализации его концепции прав человека. Используя Хельсинкские соглашения 1975 года по разоружению и безопасности в Европе в части прав человека, он инициировал новый виток борьбы с политическим строем в СССР. Настойчивость Бжезинского в реализации выдвинутой им концепции прав человека в условиях соблюдения Советским Союзом Хельсинкских обязательств принесла коммунистической власти в СССР немало проблем. По инициативе Бжезинского ЦРУ тогда предприняло немало усилий для поддержки диссидентских групп в СССР, в Германской демократической республике, в Чехословакии, в Польше (профсоюз «Солидарность»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.